

Особо тяжкое исступление

«Похороните меня за плинтусом» Сергея Снежкина смотрела Татьяна Алешичева

Фильм Сергея Снежкина поставлен по автобиографической повести Павла Санаева. И начинается с очевидной метафоры: дед (Алексей Петренко) держит мышеловку с крошечным дохлым мышонком, а в недрах квартиры сужоился на кровати задохлик-внук (Саша Дробитько), загнанный, как в мышеловку, под опеку бабушки (Светлана Крючкова). Дух советской эпохи воспроизведен тщательно: хрустальная люстра на фоне неизменного ковра на стене, тюлевых занавесок, сервантов, забытых барахлом. А в такую бабушку поначалу не верится: костерит внука за мнимые провинности, грозась выпить кровь за несделанные уроки. Для матери ребенка (Мария Шукшина) у нее в запасе тоже пара слов: потаскуха, променяла ребенка на мазилу-алкаша.

А мать неподалеку. Ждет в кафе у дома, чтобы увидеть сына хоть издали. Сожитель (Константин Воробьев) предлагает: давай возьмем штурмом этот притон маразма, отвоюем Сашу, а притон сожжем. Но мирно конфликт не решается. Бабушка не злодейка. Просто она сумасшедшая. Со всей отягчающей конспирологией: верит, что мазила хочет истребить все семейство и вселиться в их квартиру. А внука любит до одури. И все члены этого несчастного семейства любят друг друга как намагниченные и жить друг без друга не могут буквально.

Повесть Санаева, несмотря на зловещую фактуру, местами откровенно смешная, чего не скажешь о фильме. Крючкова очень мощно играет исступленную любовь, иронии не ужиться с таким накалом. Но повесть и фильм — об одном и том же, мысль о любви в экранизации не теряется. Хотя фильм сделан иначе и структурно

(последовательная история вместо событийной не связанных глав книги), и стилистически.

Проблема отношений экранизации с оригиналом существует давно, у киноведев тут масса теорий. Традиционно первоисточник был высшей ценностью, а фильм интерпретацией. И раз превосходство текста признавалось априори, качество экранизации оценивалось по близости к оригиналу. Хотя очевидно, что полная идентичность невозможна, и фактически текст и фильм автономны и самодостаточны. А с воображением работают противоположным образом: текст его включает, читатель представляет себе описанное — фильм, напротив, выключает, формируя единственный и неоспоримый образ. Который и становится камнем преткновения. Фильм Снежкина легко упрекнуть в несоответствии повести Санаева. Но можно вспомнить слова великого кинокритика Андре Базена: «Здесь нет ни конкуренции, ни подмены. Бессмысленно возмущаться „деградацией“, которой подвергаются на экране литературные произведения; во всяком случае, нелепо возмущаться от имени литературы. Сколь бы ни были приблизительными экранизации, они не могут повредить оригиналу в глазах читателя, хорошо его знающего и ценящего». А достоинства фильма, в свою очередь, пусть говорят сами за себя.

В прокате с 3 декабря

ЛЮБОВЬ И ВОЛЯ
«ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ» ПАВЛА САНАЕВА
читал ГРИГОРИЙ ДАШЕВСКИЙ

ГЛАВНАЯ ЗАГАДКА повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» — повесть о том, как маленького мальчика воспитывала страшная, смешная, любящая и нелюбимая бабушка, а потом его отняла у нее любимая мать, — это ее непрерывный, многолетний уже успех. В 1996 году, когда повесть впервые была напечатана в журнале «Октябрь», она особого шума не вызвала, но с 2003 года, когда вышла отдельная книга, непрерывно переиздается и не покидает верхние позиции в рейтинге продаж. Причем узнавали об этой книге люди не от критиков и не из рекламы, а друг от друга. Горизонтальный способ рекомендаций от читателя к читателю, который руководил чтением в СССР и после 1991 года практически исчез, именно для этой книги вдруг возродился. А для того, чтобы дать такой совет, нужно ведь не только чтобы книга понравилась тебе самому, — нужно еще знать, что со своим советом не попадешь впросак. Так вот от повести Санаева у людей было впечатление не просто сильное, а такое, которое внушало уверенность, что его разделят другие, что эта книга о том, что нас втайне объединяет.

Сразу надо исключить одну причину: ясно, что дело здесь не в том, что за персонажами повести стоят легко узнаваемые знаменитые прототипы — Всеволод Санаев, Елена Санаева, Ролан Быков. Никакого желтого интереса к секретам знаменитостей тут нет. Дело в чем-то другом.

Многие узнают здесь собственное детство: «С ужасом и гомерическим хохотом узнавал свое детство» или «Я читал эту книгу навзрыд. Это в точности мое детство». Но вряд ли все поклонники этой книги действительно имели таких же бабушек. Вопрос в другом: почему, какое же детство у нас ни было, нам сейчас, то есть уже взрослым, нравится отождествлять себя с маленьким рассказчиком, томящимся в неволе чужой безумной любви?

Ругань, проклятия и угрозы Нины Антоновны, ее бесконечные «сволочь», «тварь», «мразь», ее «Будь ты проклят небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом!», и ее перепады от проклятий к нежности, от нежности к угрозам, и ее «любовь до обморока», ее «Он скажет „бабонька“, у меня внутри так и оборвется что-то слезой горячей радостной» — понятно, что такой образ того, кто держит тебя в плену, кто внушает, что ты слаб, беспомощен и на воле не выживешь, кто не пускает к настоящей жизни и счастью, понятно, что этот образ отвечает особому типу жалости к себе, когда мы жалуемся не на то, что нас не любят, а на то, что нам любовью не дают жить, и значит, ради собственного выживания мы имеем право своим уходом убить тех, кто держит нас в плену, то есть тех, кто нас любит.

Но при этом мы читаем бабушкины проклятия и ругань с тем удовольствием, с каким слышим обычно тщательно скрываемую и вдруг произнесенную вслух правду. То есть, судя по нашей собственной реакции, в глубине души мы верим в ее правоту — верим, что мы ничтожны, немощны, нежизнеспособны и что эта безумная любовь не держит нас в плену, но действительно спасает от мгновенной гибели на непосильной нам воле. Вот это одновременное сознание, что ради воли можно убить другого и что на воле мы погибнем, сознание, позволяющее нам и уйти и остаться, наверное, и сообщает книге ее особое обаяние.

